

Соглашение библейскаго сказанія о міротвореніи съ научными данными и выводами естествознанія ¹⁾).

Библейское сказаніе о міротвореніи, въ его сокращенномъ видѣ, извѣстно каждому, знакомому съ катихизисомъ. Въ Библии это сказаніе составляетъ содержаніе 1-й главы книги Бытія и излагается слѣдующимъ образомъ:

Стихъ 1: Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю.

Стихъ 2: Земли же была безвидна и пуста, и тѣма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою.

Стихъ 3: И сказали Богъ: да будетъ свѣтъ, и сталъ свѣтъ.

Стихъ 4: И увидѣлъ Богъ свѣтъ, что онъ хорошъ; и отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тѣмы.

Стихъ 5: И назвалъ Богъ свѣтъ днемъ, а тѣму ночью. И былъ вечеръ, и было утро: день *одинъ*.

Стихъ 6: И сказалъ Богъ: да будетъ твердь посреди воды, и да отдѣлитъ она воду отъ воды; (и стало такъ).

Стихъ 7: И создалъ Богъ твердь; и отдѣлилъ воду, которая подъ твердію, отъ воды, которая надъ твердію; и стало такъ.

Стихъ 8: И назвалъ Богъ твердь небомъ... И былъ вечеръ, и было утро: день *второй*.

Стихъ 9: И сказали Богъ: да соберется вода, которая подъ небомъ, въ одно мѣсто, и да явится суша; и стало такъ. (И собралась вода подъ небомъ въ свои мѣста, и явилась суша).

Стихъ 10: И назвалъ Богъ сушу землею, а собраніе водъ назвалъ морями...

¹⁾ Членіе, предложенное въ собраніи Кіевскаго релігіозно-просвѣтительнаго Общества, въ залѣ Реального училища, 29 марта, 1903 года.

Стихъ 11: И сказалъ Богъ: да произраститъ земля зелень, траву сѣющую сѣмя, (по роду и по подобію ея, и) дерево плодовитое, приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ; и стало такъ.

Стихъ 12: И былъ вечеръ, и было утро: день *третій*.

Стихъ 13: И сказалъ Богъ: да будутъ свѣтила на тверди небесной, (для освѣщенія земли, и) для отдѣленія дня отъ ночи, и для знаменій, и временъ, и дней, и годовъ.

Стихъ 14: И да будутъ они свѣтильниками на тверди небесной, чтобы свѣтить на землю; и стало такъ.

Стихъ 15: И создалъ Богъ два свѣтила великія, свѣтило большее, для управленія днемъ, и свѣтило меньшее, для управленія ночью, и звѣзды...

Стихъ 19: И былъ вечеръ, и было утро: день *четвертый*.

Стихъ 20: И сказалъ Богъ: да произведетъ вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетятъ надъ землею, по тверди небесной; (и стало такъ).

Стихъ 21: И сотворилъ Богъ рыбъ большихъ и всякую душу животныхъ пресмыкающихся, которыхъ произвела вода, по роду ихъ, и всякую птицу пернатую по роду ея...

Стихъ 23: И былъ вечеръ, и было утро: день *пятый*.

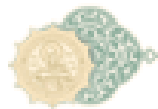
Стихъ 24: И сказалъ Богъ: да произведетъ земля душу живую по роду ея, скотовъ, гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ; и стало такъ.

Стихъ 25: И создалъ Богъ звѣрей земныхъ по роду ихъ, и скотовъ по роду ихъ, и всѣхъ гадовъ земныхъ по роду ихъ...

Стихъ 26: И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу нашему (и) по подобію...

Стихъ 27: И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему, по образу Божию сотворилъ его, мужчину и женщину сотворилъ ихъ.

Стихъ 31: И былъ вечеръ, и было утро: день *шестой*.

Это сказаніе возбуждало и продолжает возбуждать множество, повидимому, непримиримыхъ противорѣчій результатамъ, достигнутымъ въ области естественной науки. Совершенно непонятно для астронома оно говоритъ о свѣтѣ раньше солнца, о дняхъ съ вечеромъ и утромъ, когда для ихъ измѣренія не было еще солнца, о тверди, раздѣляющей воды отъ водъ, для геолога—о землѣ съ континентами и морями до появленія солнца и луны, о растеніяхъ безъ необходимаго для ихъ произрастанія солнечнаго свѣта и особенно о шести измѣряемыхъ вечеромъ и утромъ дняхъ, въ рамки которыхъ никоимъ образомъ не можетъ быть вставлена исторія образованія земли съ сокрытыми въ ея недрахъ геологическими архивами.

Въ виду этихъ недоумѣній въ западной богословской наукѣ создалось нѣсколько опытовъ согласенія библейскаго сказанія о шестидневномъ твореніи съ данными естествознанія. Лишь только изслѣдованіемъ земной коры путемъ раскопокъ констатированы были въ ней правильно чередующіяся наслоенія или напластованія и въ нихъ открыты отпечатки или же въ окаменѣломъ видѣ и самые экземпляры растительнаго и животнаго царствъ, являлся самъ собою вопросъ, какъ объяснить съ точки зрѣнія библейскаго сказанія о шестидневномъ твореніи эти геологическіе факты, указывающіе несомнѣнно на многія тысячи, а можетъ быть и миліоны, лѣтъ исторіи образованія земли? Этотъ вопросъ вызвалъ три согласительныя гипотезы—*интервальную*, *дилювіальную* и *гармонистическую*.

Сторонники первой гипотезы ¹⁾ помѣщаютъ констатируемые геологіей факты *впереди* библейскаго шестиднева въ промежутокъ времени между двумя творческими актами, на которые указываютъ, съ одной стороны, слова 1 стиха:

¹⁾ Члѣнъ Библ. архива, кардиналъ Виллемъ.
Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

„Въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю“, а съ другой, слова 3 стиха: „И сказалъ Богъ: да будетъ свѣтъ“. Отсюда геологическіе факты они относятъ къ тому состоянію земли, которое описывается въ словахъ 2 стиха: „Земля же была безвидна и пуста, и тьма надъ бездною; и Духъ Божій носился надъ водою“, толкуя ихъ въ томъ смыслѣ, что земля, да и весь вообще видимый міръ, находилась на первыхъ порахъ въ состояніи еще неопредѣлившагося и развивающагося зародыша; а потому чередующіяся въ землѣ наслоенія съ паходимыми въ нихъ растительными и животными окаменѣlostями суть не что иное, какъ послѣдовательныя ступени или *интервалы*, чрезъ которые проходила земля, пока не достигла того окончательнаго своего вида, какой данъ ей въ теченіе шестидневнаго творенія.

Защитники второй, такъ называемой дилувіальной или *потопной*, гипотезы, лучшимъ и весьма ученымъ представителемъ которой служитъ аббатъ Соринье, отводятъ мѣсто геологическимъ фактамъ, наоборотъ, *позади* библейскаго шестоднева. Выходя изъ мысли, что всѣ раскопки геологовъ въ сравненіи съ толщею земной коры такъ незначительны, а результаты и выводы ихъ такъ разнорѣчивы и неустойчивы, что на основаніи ихъ нѣтъ никакой возможности придти къ твердымъ и положительнымъ заключеніямъ,—въ объясненіе геологическихъ фактовъ они ссылаются на дѣйствіе *потопа* и другихъ, подобныхъ ему, переворотовъ. Вслѣдствіе этихъ переворотовъ, нужно думать, происходили на поверхности земли значительныя возвышенія и пониженія, въ моментъ которыхъ одни изъ организмовъ нашли себѣ могилу въ болѣе высокихъ слояхъ земли, а другіе въ среднихъ или низшихъ и глубокихъ, отъ чего и произошли геологическія формаціи.

Неудовлетворительность этихъ гипотезъ очевидна сама собою. Гипотезой интерваловъ предполагаются двѣ мысли. Первая мысль заключается въ томъ, что земля на первыхъ порахъ находилась въ состояніи неопредѣлившемся и какъ

бы зародышевомъ, изъ котораго она постепенно *силою Божіею* возводилась къ предназначенной ей законченной формѣ. Вторая мысль состоитъ въ томъ, что въ этомъ состояніи зародыша и, такъ сказать, броженія земля, да и весь видимый міръ, проходила различныя ступени образованія, различныя метаморфозы, слѣды которыхъ мы и видимъ въ геологическихъ формаціяхъ. Первая мысль—мысль библейская, предполагаемая словами: „и Духъ Божій носился надъ водою“, и должна быть принята безъ колебанія. Но вторая мысль самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ и геологическимъ фактамъ, и самой идеѣ творенія. Въ самомъ дѣлѣ, если геологическія раскопки открываютъ въ нѣдрахъ земли экземпляры растительнаго и животнаго царствъ, какихъ теперь мы уже не видимъ, то эти экземпляры во всякомъ случаѣ представляютъ собою организмы *полнѣ сформированные*, и ихъ никоимъ образомъ нельзя принимать за тѣ переходныя или эмбріонарныя формы, какія, по гипотезѣ интерваловъ, растительная и животная жизнь получала въ то время, когда земля находилась въ состояніи зародышевомъ, и въ этомъ состояніи проходила различныя метаморфозы, на подобіе того, какъ зародышъ птенца въ яйцѣ переходитъ чрезъ многія послѣдовательныя эмбріонарныя формы.—Возможенъ тутъ и такой вопросъ, какъ съ точки зрѣнія этой гипотезы должны мы представлять себѣ всѣ эти, находимые геологіей въ нѣдрахъ земли, окаменѣлые экземпляры растительнаго и животнаго царствъ—были ли они живыми существами, или не были? Если они были живы, то какія могли быть условія, которыми поддерживалась ихъ жизнь, когда всѣ міровые элементы находились въ броженіи, когда еще не было ни свѣта, ни воздуха, ни даже твердой земли? Если же они не были живы, это противорѣчило бы, очевидно, идеѣ творенія, которое началось страннымъ актомъ произведенія мертвыхъ. Выходило бы, по этой гипотезѣ, что подготавливаемая къ произведенію жизни земля въ своихъ нѣдрахъ представляла собою

колоссальный некрополь, мрачную область мертвыхъ, никогда не видавшихъ жизни, тварей... Между тѣмъ, по библейскому учению, „Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ“ и „смерти не сотворилъ“.

Не выдерживаетъ критики и потопная гипотеза. Когда Соринъ писать свою книгу *La cosmogonie de la Bible*, вышедшую въ свѣтъ въ 1854 году, можно еще было скептически относиться къ результатамъ геологической науки. Но за прошедшія съ того времени 50 лѣтъ наука эта обогатилась такими фактами, пришла къ такимъ прочнымъ выводамъ, отрицать научную значимость которыхъ значило бы идти противъ очевидной истины. Вездѣ, гдѣ только производились и производятся геологическія раскопки, всюду оказывались и оказываются одні и тѣ же и, притомъ, расположенны въ одномъ и томъ же порядкѣ, съ опредѣленною и неизмѣнною послѣдовательностію или системою, геологическія формаціи. И если случается, что нѣкоторыя изъ этихъ формацій иногда, при геологическихъ раскопкахъ, отсутствуютъ, то подобные случаи отнюдь не зачеркиваютъ самаго геологическаго закона *послѣдовательности* наслоеній. Остальные пласты всегда чередуются въ опредѣленномъ и неизмѣнномъ порядкѣ. Если геологическую цѣпь напластованій обозначить буквами а, b, c, d, e, f, и т. д., то звенья ея идутъ всегда въ строгомъ и неизмѣнномъ порядкѣ алфавита. Отсутствие нѣкоторыхъ изъ нихъ не нарушаетъ нисходящаго порядка остальныхъ: при отсутствіи, напр., звеньевъ b, c, e, порядокъ остальныхъ всегда будетъ а, d, f и никогда а, f d, или d, a, f. Съ другой стороны, известнаго рода остатки растений и животныхъ всегда встрѣчаются въ однихъ и тѣхъ же стояхъ, и въ низшихъ слояхъ оказываются менѣ развитыми и совершенными, чѣмъ въ высшихъ. Само собою понятно, что объясненіемъ всего этого не можетъ служить случайное и не предполагающее закономерной послѣдовательности и цѣлесообразности дѣйствіе потопы.

Болѣе совпадаетъ съ научными данными третья, гармонистическая, гипотеза. Геологическіе факты она вставляетъ въ рамки библейскаго шестоднева, понимая дни творенія въ смыслъ болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ времени, и, указывая, затѣмъ, въ геологическихъ формаціяхъ черты соотвѣтственныя характеристическимъ чертамъ дней творенія, проводитъ *полную параллель* между днями творенія и геологическими періодами¹⁾. Такъ, съ первымъ днемъ творенія она поставляетъ въ параллель геологическій періодъ *азоническій*, не представляющій въ себѣ никакихъ слѣдовъ органической жизни; со вторымъ днемъ—періодъ *силурійско-девонскій*, въ которомъ находятся слѣды самыхъ низшихъ формъ органической жизни; съ третьимъ—*каменноугольный* періодъ, особенно богатый растительностію, и притомъ растительностію тенличнаго, а не солнцевліятельнаго характера; съ четвертымъ—періодъ *пермскихъ* и *тріасовыхъ* формацій, который, какъ отличающійся относительною бѣдностію въ новыхъ типахъ организмовъ, поставляется въ связь съ началомъ функціонированія свѣтлѣз небесныхъ; съ пятымъ—*юрскій* и *мѣловый* періодъ, изобилующій остатками птицъ, плавающихъ и пресмыкающихся водныхъ животныхъ; наконецъ, съ шестымъ *третичную* геологическую эпоху, въ которую появляются уже остатки многихъ, существующихъ и теперь, видовъ растений и животныхъ²⁾.

¹⁾ Пакчинни, Рейшъ, Ламе, Эбраръ, Пифафръ, Гугъ-Миллеръ.

²⁾ Параллель, предложенная Гугъ-Миллеромъ. Нѣкоторые, впрочемъ, изъ сторонники гармонистической гипотезы проводили параллель только между послѣдними четырьмя геологическими періодами, начиная съ каменноугольнаго, и четырьмя послѣдними днями творенія (Эбраръ), а нѣкоторые эту параллель сводили къ тому общему сходству между шестью днями творенія и геологическими періодами, что какъ тамъ, такъ и здѣсь сперва происходитъ неорганическое, а потомъ органическое царство (Рейшъ). Гипотеза эта возвращающаяся снова къ *полной* параллели у пастора Поппа (Розга), который, на парижской всемірной выставкѣ 1878 г., въ залѣ Троададеро предложилъ двѣ лекціи о согласіи библейскаго шестоднева съ геологіей и выпустилъ ихъ въ 1880 г. книжкой, подъ заглавіемъ: *La terre et le déluge*. Подготовлено Киевскою Духовною Академіею и Семинаріею, <http://kda.is.kiev.ua>

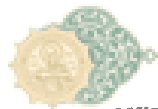
Нельзя не видѣть, что, въ погонѣ за установленіемъ параллели между днями творенія и геологическими фактами, гипотеза эта прибѣгаетъ къ очевиднымъ натяжкамъ. Она насильственно сокращаетъ геологическіе періоды только въ шесть, хотя въ наукѣ насчитывается ихъ гораздо больше. Грѣшитъ она и противъ библейскаго шестоднева, превращая два первыхъ дня творенія изъ космическихъ въ геологическіе.

Не смотря, однако, на эти свои недостатки, гармонистическая гипотеза оказала дѣлу соглашенія библейскаго шестоднева съ данными и выводами естествознанія несомнѣнную услугу. Лежащая въ ея основаніи идея параллели между библейскимъ сказаніемъ о міротвореніи и естествонаучными фактами въ послѣднее время получаетъ дальнѣйшее, болѣе широкое и вполне научное, примѣненіе,—прилагается къ библейскому шестодневу на началахъ не одной только геологіи, но и астрономіи, физики и химіи.

Дѣло тутъ начинается съ разъясненія первыхъ двухъ стиховъ библейскаго сказанія о міротвореніи.

Первый стихъ сообщаетъ намъ, что міръ, и небо и земля, имѣетъ начало, сотворенъ, и что творецъ его—Богъ. Центральная идея стиха—идея творенія. Употребленное для выраженія этой идеи еврейское слово *bara* въ переводѣ значитъ *творить*. Каково бы ни было употребленіе *bara* въ другихъ мѣстахъ Библии, но въ сказаніи о міротвореніи оно употребляется совершенно особеннымъ образомъ, въ значеніи весьма замѣчательномъ, которое можетъ быть только преднамѣреннымъ. Оно встрѣчается здѣсь въ трехъ случаяхъ—при *первомъ* твореніи матеріи, въ *первомъ* стихѣ, при *первомъ* введеніи животной жизни, въ 21 ст., и при *твореніи* человека, въ ст. 26 и 27.

Въ другихъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о видоизмѣненіи или о продолженіи *того же самаго* рода творенія, напр., при созданіи неба, въ 7 ст., и при произведеніи земнород-

ныхъ животныхъ, въ 25 ст.,—во всѣхъ такихъ случаяхъ употребляется слово *asha* (дѣлать). Значить, словомъ *bara* какъ бы подчеркивается первое введеніе каждой изъ трехъ великихъ областей бытія—міра матеріи, міра животной жизни и міра духовнаго, представителемъ котораго на землѣ служить человѣкъ. Хотя эти три области и тѣсно соединены между собою, но по существу своему глубоко отличны одна отъ другой и всѣ вмѣстѣ составляютъ вселенную, которую мы знаемъ.

Во второмъ стихѣ описывается *первоначальное состояніе* матеріи: „Земля же была неустроена и пуста, я тьма надъ бездною, и Духъ Божій носился надъ водою“. Здѣсь обращаютъ на себя вниманіе два слова: *земля* и *вода*. Что они значатъ?

Послѣ перваго стиха, обнимающаго всю совокупность творенія, второй стихъ имѣетъ, повидимому, ограниченный смыслъ, относится къ нашей малой планетѣ. Но слово *eretṣ*, земля, означаетъ здѣсь не земной шаръ, съ его континентами и морями, уже отдѣлившійся отъ универса, а космическую *первоматерію*, которую носившійся надъ нею Духъ Божій подготовлялъ къ образованію изъ нея вселенной. Употребленіе слова *земля* вмѣсто абстрактнаго слова *матерія* необходимо было здѣсь потому, что въ еврейскомъ языкѣ нѣтъ слова синонимичнаго слову матерія. То же надобно сказать и о *водѣ* второго стиха. Еврейское слово *maym* не означаетъ непременно воду, а прилагается одинаково и къ газообразной атмосферѣ („вода превыше небесъ“). Оно означаетъ просто *состояніе* космической матеріи, мыслимой въ словѣ *eretṣ*, земля.

Теперь для насъ совершенно ясно каждое слово второго стиха. Только-что сотворенная матерія была газообразна: она была „безвидна“, или безформенна, потому что свойство газа—расширяться въ безконечность; она была „пуста“, или бесплодна, потому что, вѣроятно, была однородна и невид-

на; она была „темна“, потому что была еще бездѣйственна, такъ какъ свѣтъ является результатомъ дѣйствія физическихъ и химическихъ силъ, которыя еще не были возбуждены къ дѣятельности. Это была „бездна“, потому что ея протяженіе въ пространствѣ, хотя и неопредѣленномъ, не было безграничнымъ и имѣло измѣреніе. Надъ этой необъятной, инертной и газообразной массой носился Духъ Божій, сообщая ей движеніе и направляя всю послѣдующую ея дѣятельность сообразно съ тѣмъ планомъ, который мало-по-малу открывается, потомъ, въ дѣлахъ шести космическихъ дней.

Эра прогресса начинается дѣломъ *перваго* дня. По повелѣнію Божию, въ инертной матеріи начинается движеніе и первымъ результатомъ его является *произведеніе свѣта*. Это было не твореніе въ собственномъ смыслѣ, а возбужденное Богомъ обнаруженіе дѣятельности матеріи, такъ какъ, по новѣйшей физикѣ, теплота и свѣтъ суть только сотрясательное движеніе матеріи.

Если мы спросимъ, одно ли и то же матерія и сила, или же матерія есть орудіе силы, какъ тѣло служить орудіемъ души, и примемъ второе изъ этихъ двухъ мнѣній, то можемъ представлять себѣ дѣло перваго дня такъ, что Богъ надѣлилъ тогда инертную матерію силами, которыя ей теперь присущи, именно—тяготѣніемъ, общою количественною силою и специфическими качественными силами. И вотъ подъ вліяніемъ тяготѣнія необъятная масса первобытной газообразной матеріи начинаетъ сжиматься, плотнѣть. Вслѣдствіе этого движенія развивается теплота, атомы группируются въ молекулы, сближеніе ихъ производитъ во множествѣ точекъ постоянныя химическія соединенія. Въ болѣе сгущенныхъ частяхъ теплота становится болѣе напряженною, происходитъ *свѣтъ* и, въ концѣ концовъ, въ темной массѣ матеріи появляется огромное свѣтящее пятно, такъ называемая *первобытная облачность* или *туланность*, прототипъ тѣхъ

свѣтящихъ облаковъ, которые наблюдаются астрономіей и плаваютъ въ нашемъ звѣздномъ небѣ.

Этотъ моментъ въ библейскомъ шестодневѣ обозначается словами: „И отдѣлилъ Богъ свѣтъ отъ тьмы“, т. е. свѣтъ облачности отъ внѣшней темной, еще недѣятельной, матеріи и отъ окружающаго пустого пространства.

Дѣломъ второго дня служить образованіе неба. Надобно пожалѣть, что еврейское слово *rakiah* переводится обыкновенно словомъ *твердь* (צֶרֶפָרָא, firmamentum). Такой переводъ способствуетъ представленію о твердомъ небесномъ сводѣ, отдѣляющемъ низшій, видимый міръ отъ высшаго, тонкаго и невидимаго міра. Но если бы было такъ, то какъ можно было бы сказать, что Богъ назвалъ этотъ твердый сводъ „небомъ“ и что дальше, въ 20 ст., Богъ создалъ птицъ летать по „тверди небесной“, т. е. по твердому своду? Болѣе соответствующимъ въ обоихъ этихъ случаяхъ словомъ должно быть, очевидно, слово *пространство*; *galkiah* и имѣетъ это именно значеніе.

Но болѣе важная ошибка относительно второго дня состоитъ въ томъ, что у него, обыкновенно, отнимаютъ *космогоническій* характеръ, сводя феномены, съ которыми описывается второй день въ библейскомъ сказаніи, къ простымъ видоизмѣненіямъ *земной* атмосферы. При такомъ пониманіи *воды выше* и *воды ниже* неба принимаютъ обыкновенно первыя въ смыслъ облаковъ, а вторыя въ смыслъ морей, отдѣленныхъ отъ облаковъ пространствомъ прозрачнаго воздуха, называемаго небомъ. Но въ такомъ случаѣ забывается, какую малую часть земли составляетъ атмосфера, окружающая землю на подобіе тонкой кожицы. Забывается и то, какъ ограниченно то небо, въ которомъ летаютъ птицы, какъ говорится о нихъ нѣсколькими строками ниже. Забываются, наконецъ, и слова псаломѣвца, который въ 148 псалмѣ указываетъ точный порядокъ, въ которомъ чередуются различныя оболочки на-

пей земли, и земные феномены—облака, дожди, градъ и бури описываетъ, какъ происходящіе *ниже* того неба, гдѣ свѣтятъ солнце, луна и звѣзды; въ этомъ же псалмѣ говорится также, что надъ звѣздами возвышаются „небо небесъ“ и „вода, яже превыше небесъ“. Это—небеса преемственные, концентрическія, изъ которыхъ каждое превосходитъ другое своею неизмѣримостью и идея о которыхъ не чужда древнимъ космогоніямъ египтянъ и др. народовъ.

Образованіе этихъ именно небесъ, вмѣстѣ съ тѣми безчисленными свѣтящими тѣлами, которыя ихъ освѣщаютъ, а не тѣсное пространство между облаками и землей, и составляетъ истинный объектъ второго космическаго дня.

Центральная идея второго дня—идея *раздѣленія* или *отдѣленія*. Огромная свѣтящая облачность перваго дня раздѣляется теперь на множество газообразныхъ массъ, которыя сгущаются по большей части въ звѣзды. Всюду происходитъ движеніе. Тяготѣніе и химическія силы стремятся сплотить матерію вокругъ различныхъ центровъ и изолировать ихъ одни отъ другихъ. Въ то же время центробѣжная сила стремится, напротивъ, разсѣять матерію. Подъ вліяніемъ законовъ матеріи и движенія, установленныхъ самимъ Богомъ, эти безчисленныя, всевозможныхъ формъ и размѣровъ, тѣла группируются для образованія тѣхъ міровъ, открытіе и описаніе дивнаго устройства которыхъ принадлежатъ астрономіи.

Пока еще рано говорить, что эта благородная наука выполнѣ уяснила себѣ исторію происхожденія звѣзднаго неба и его дѣйствительнаго устройства. Однако, сдѣлано въ этомъ смыслѣ уже много. Изслѣдуя съ своимъ телескопомъ во всѣхъ направленіяхъ небо, Гершель нашелъ въ немъ горизонты, кишачіе звѣздами, тогда какъ въ другихъ частяхъ неба звѣзды малочисленны и чрезвычайно удалены одні отъ другихъ. Этотъ видъ неба, говоритъ Гершель, можетъ объясняться предположеніемъ, что видимое небо—необъятная

система самосвѣтящихся звѣздъ, изъ которыхъ одна, заимающая мѣсто недалеко отъ центра, есть наше солнце съ corteжемъ своихъ спутниковъ. Эта громадная группа имѣетъ форму диска, внѣшнюю границу котораго служитъ млечный путь. Выше ея, на необъятное разстояніе, тянется темная бездна пространства. Тамъ находятся тысячи туманныхъ массъ, изъ которыхъ каждая можетъ быть звѣзднымъ небомъ, какъ и наше. Теперь представимъ себѣ, что группа видимыхъ звѣздъ, къ которой принадлежатъ солнце, луна и самая земля, это—воды ниже неба, а простирающееся выше огромное пространство съ міромъ туманностей—небеса небесъ и вода, яже превыше небесъ, о которыхъ говоритъ псалмопѣвецъ.

Но въ то время, какъ совершался этотъ процессъ раздѣленія первоначальной туманности, постепенное сгущеніе каждаго, образовавшагося путемъ отдѣленія отъ нея, солнца вело къ другому роду индивидуализаціи, единственный, достушный нашему наблюденію, примѣръ которой представляетъ наша солнечная система.

По гипотезѣ Лапласа, наше солнце въ началѣ было туманнымъ пятномъ, съ круговращательнымъ движеніемъ около самого себя. По закону тяготѣнія окружность его стремилась къ центру, но вслѣдствіе центробѣжной силы частицы матеріи, наиболѣе удаленныя отъ центра и потому наименѣе съ нимъ связанныя и вращавшіяся быстрѣе, стремились отъединиться отъ центра. А такъ какъ круговращательное движеніе ихъ все больше и больше ускорилось, то наступилъ моментъ, когда центробѣжная сила взяла перевѣсъ надъ центростремительною, и тогда отъ солнца, по линіи его экватора, отдѣлилось кольцо газообразной матеріи, которое продолжало вращаться. Такимъ образомъ, около солнца, въ извѣстный моментъ, образовалось кольцо, подобное кольцу, наблюдаемому въ настоящее время вокругъ Сатурна. Кольцо это не во всѣхъ своихъ частяхъ было одинаковой

поэтому тамъ, гдѣ его матерія была болѣе плотною, образовался центръ притяженія, или ядро, къ которому мало-помалу начала стремиться матерія кольца, между тѣмъ какъ наиболѣе удаленныя отъ центра части все болѣе и болѣе разрѣжались, пока, съ истощеніемъ матеріи, дальнѣйшее расширение кольца не прекратилось: тогда кольцо лопнуло. Съ этого времени матерія кольца начала выпрямляться и принимать форму громаднаго веретена, съ ядромъ въ центрѣ. Но такъ какъ сила центрального притяженія продолжала дѣйствовать, то веретено это стало укорачиваться и принимать постепенно круглую форму, обращаясь въ то же время вокругъ себя. Наконецъ, насталъ моментъ, когда эта, отдѣлившаяся отъ солнца, масса стала звѣздою, планетой. Такъ образовалась самая отдаленная отъ солнца планета Нептунъ. Между тѣмъ, солнце продолжало вращаться; на его экваторѣ снова повторился тотъ самый феноменъ, который далъ начало Нептуну: образовалось новое кольцо, лопнуло, сгустилось въ сфероидъ и стало планетой Ураномъ. Такъ, преемственно, въ эпохи, можетъ быть, отдаленныя однѣ отъ другихъ, образовались планеты, составляющія нашу солнечную систему.

Точно такимъ же образомъ отдѣлилась отъ солнца и *земля*, образованіе которой составляетъ дѣло *третьяго* дня. На первыхъ порахъ земля находилась въ газообразномъ состояніи. Но съ потерей теплоты, вслѣдствіе лучеиспусканія, въ этой газообразной массѣ происходитъ сгущеніе. Частицы болѣе близкія однѣ къ другимъ и къ температурѣ, благоприятствующей химическому дѣйствію, соединяются. Происходятъ колоссальныя, продолжительныя и постоянно возобновляющіеся, взрывы, съ чрезмѣрнымъ развитіемъ теплоты и электричества. Въ результатъ этого процесса земля является минеральной расплавленной массой, окруженной громадною свѣтящею атмосферой. Съ дальнѣйшимъ охлажденіемъ, на поверхности ея образуется кора, и когда температура стано-

вится настолько низкою, чтобы дать мѣсто химическому соединенію водорода и кислорода въ воду, на этой твердой поверхности является океанъ. Температура этого перваго океана должна была быть чрезвычайно высокою вслѣдствіе громадной тяжести лежавшей на немъ атмосферы. Высчитываютъ, что когда воды начали осѣдать, онѣ должны были имѣть по меньшей мѣрѣ 600° по Фаренгейту. Но воды этого океана не только были чрезвычайно горячи, но должны были быть еще и сильно окислены, потому что всѣ кислоты, которыя составляютъ значительную часть тысячи тысячъ кубическихъ метровъ отложившихся тогда горныхъ породъ, должны были находиться въ атмосферѣ подъ формою газа. Эти горячія и окисленные воды, покрывая минеральную кору, могли частично разлагаться, отъ чего должны были образоваться новыя химическія соединенія, къ которымъ, вѣроятно, относятся самыя глубокія кристаллическія, такъ называемыя лаврентьевскія, породы, лежація въ основаніи новой земной коры. Съ новымъ охлажденіемъ, химическія и физическія силы, доселѣ такъ дѣятельныя, затихаютъ и входятъ въ состояніе относительнаго покоя; фотосфера постепенно исчезаетъ, земной шаръ становится потухшимъ тѣломъ, океанъ охлаждается до температуры нашихъ морей и готовъ принять живыя существа.

Библейскій шестодневъ начинаеть третій день съ того момента, когда земля является уже потухшимъ шаромъ. Въ началѣ этой фазы три великихъ географическихъ элемента: *твердая земля*, составлявшая центральную массу, покрывавшій не со всѣхъ сторонъ *вселірный океанъ* и *атмосфера*, служившая послѣднею оболочкой, еще оставались на тѣхъ мѣстахъ, которыя соответствовали ихъ плотности. Но нѣсколько позднѣе мы видимъ уже появленіе и первой земли *надъ водами* океана. Этой эпохѣ принадлежатъ обширныя поверхности и низкія цѣпи горъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ. Пониженіе огромныхъ поверхностей, запятыхъ въ на-

стоящее время океанами, и посреди океановъ поднятіе континентовъ и горъ геологія съ большою вѣроятностію объясняетъ постепеннымъ сжатіемъ внутренности земного шара, которая, охлаждаясь, заставляла твердую внѣшнюю кору, ставшую слишкомъ большою, формоваться на сферу гораздо меньшую и складываться въ громадныя морщины. Такое дѣйствіе лучше и не могло быть описано, какъ словами библейскаго шестоднева: „Да соберется вода въ одно собраніе, и да явится суша“. Эти слова даютъ понять, что почва уже существовала подъ поверхностію океана и поднялась, *показалась* теперь надъ океаномъ.

Образованіемъ земного шара закончилась *эра материи*. Съ появленіемъ *растительности*, представляющимъ собою второе дѣло третьяго дня, исторія земли входитъ въ совершенно новую фазу. Это—начало *эры жизни*.

Когда мы переходимъ отъ царства неорганической жизни къ царству органической природы, то вступаемъ въ совершенно новую область. Самый малый кристаллъ, уже въ самомъ началѣ, имѣетъ тѣ же ровныя поверхности съ рѣзкими углами, чѣмъ и самый большой кристаллъ того же вида, и растетъ безъ опредѣленной границы, чрезъ внѣшнее присоединеніе однородныхъ частицъ. Кристаллъ имѣетъ неподвижную форму. Онъ не умираетъ, какъ растеніе, въ силу внутренняго процесса, а продолжаетъ существовать до разрушенія вслѣдствіе внѣшнихъ причинъ. Между тѣмъ, главный органъ растений (какъ и животныхъ) есть клѣточка, уже содержащая жидкости въ движеніи, возрастающая и умножающаяся посредствомъ внутренняго дѣленія. Растеніе развивается изъ зародыша или сѣмени, и заканчиваетъ циклъ индивидуальной жизни образованіемъ новаго сѣмени, имѣющаго задачей произвести подобное же растеніе. Въ растеніи, какъ во всякомъ органическомъ бытіи, есть внутренній принципъ индивидуализаціи, живая сущность, какою не обладаетъ кристаллъ, а также разнообразіе орга-

новъ и функцій, направленное ко благу индивидуума, внутреннее, определенное съ начала до конца, развитіе и способность къ производительности, продолжающая виды. Отнимите этотъ принципъ жизни, движеніе останавливается, возрастаніе прекращается, органическое тѣло разлагается, теряетъ свою форму и разрушается. Химикъ находитъ въ остаткахъ растенія тотъ же вѣсъ и тѣ же матеріалы. Но регулирующей силы, когорая сообщала ему форму, уже не существуетъ. Значить, въ растеніи мы должны признать введеніе *новаго принципа*. И если этотъ творческій актъ, въ текстѣ шестоднева, не обозначенъ словомъ *bara*, то значить, что рѣчь идетъ здѣсь только о перистыяхъ храма истинной, животной, жизни и объ условіяхъ ея бытія.

Характеристическія черты растительнаго царства съ полною вѣрностью сокращены въ словахъ шестоднева: „Да произраститъ земля зелень, траву сѣющую сѣмя, и дерево плодovitое, приносящее по роду своему плодъ, въ которомъ сѣмя его на землѣ“.

Слова „да произраститъ земля“, повидимому, благопріятствуютъ идее о комбинаціи элементовъ безъ введенія *новаго* начала. Но и о животныхъ шестодневъ употребляетъ, въ 20 ст., подобное же выраженіе: „да произведетъ вода душу живу“, а между тѣмъ произведеніе животныхъ было истиннымъ творческимъ актомъ, обозначеннымъ словомъ *bara* (ст. 21). Да и въ 4—5 стихахъ 2-й главы книги Бытія говорится, что Богъ „создалъ... полевой кустарникъ, котораго еще не было на землѣ, и всякую полевую траву, которая еще не росла“. Попытка доказать самопроизвольное зарожденіе остается неубѣдительною для большинства мыслителей. Принимая во вниманіе современное состояніе нашихъ знаній, мы должны допустить, что матерія, безъ помощи, не можетъ подняться выше своего собственнаго уровня, не можетъ породить жизни.

Библейскій шестодневъ вводитъ твореніе растений, какъ дѣло отличное отъ перваго дѣла третьяго дня, и отводитъ растенію мѣсто въ концѣ этого дня и раньше творенія животныхъ: такой порядокъ имѣетъ высоко-философскій смыслъ и требуется закономъ прогресса, въ силу котораго въ области сотворенныхъ вещей низшее должно предшествовать высшему, потому что первое служить условіемъ существованія послѣдняго. Это мѣсто растенія въ порядкѣ творенія подтверждается и геологіей. Не нужно только думать, что по тексту шестоднева въ третій день сотворено все растительное царство разомъ, съ самаго маленькаго водоросля до самаго совершеннаго двусѣмяподольнаго растенія. Шестодневъ, въ настоящемъ случаѣ, отмѣчаетъ *начало* всей, развивающейся въпослѣдствіи, системы растеній. потому что къ вопросу о растеніяхъ больше уже не возвращается. И по послѣднимъ геологическимъ изысканіямъ, многочисленные слѣды угольныхъ веществъ и древнія кремневыя отложенія между такъ называемыми азоническими отложеніями указываютъ на присутствіе въ первобытныхъ моряхъ огромнаго числа растительныхъ протофитовъ.

Если въ третій день къ введенію жизни была подготовлена земля, то въ *четвертый* для этой цѣли подготовлено *небо*.

Слѣдую гипотезѣ Лапласа, мы должны признать, что солнце, звѣзды и луна существовали до четвертаго дня, а въ четвертый вошли только въ новыя отношенія къ землѣ. Въ продолженіе періода матеріи напряженіе химическаго дѣйствія было источникомъ постояннаго свѣта, земля сама по себѣ была свѣтящею: блескъ солнца, луны и звѣздъ тонулъ въ болѣе живомъ свѣтѣ земной фотосферы и, такимъ образомъ, они не были видны для земли. Но съ исчезновеніемъ свѣтоносной оболочки земли, небо стало видно съ солнцемъ, луной и звѣздами, и земля начинаетъ заимствовать свѣтъ и

теплоту отъ этого вѣшняго источника. Сферическая форма земли, соединенная съ постояннымъ наклономъ ея оси, есть причина неравномѣрнаго распредѣленія свѣта и тепла, устанавливающаго различіе климата отъ полюса до экватора. Ея обращеніе около своей оси производитъ преемственную смѣну дня и ночи, а обращеніе вокругъ солнца служитъ причиной временъ года. Такимъ образомъ, были подготовлены физическія условія, необходимыя для существованія живыхъ тварей. періоды дѣятельности и покоя, лѣта и зимы, и то разнообразіе температуры и влажности, которое благопріятствуетъ почти безконечному богатству органическихъ формъ растений и животныхъ.

Среда была готова, и *пятымъ* и *шестой* дни библейскаго шестоднева рассказываютъ намъ о преемственномъ происхожденіи различныхъ классовъ *животныхъ*.

Исторія эта открывается творческимъ словомъ *bara*, которое встрѣчается здѣсь во второй разъ и даетъ понять, что, съ твореніемъ животныхъ, начинается порядокъ всецѣло новаго бытія. И дѣйствительно, все, что сказано по поводу появленія растений, вдвойнѣ приложимо къ животному. Растеніе только приготовленіе къ появленію органическаго, живого и чувствующаго существа. Разнообразіе животныхъ формъ безконечно больше. Принципъ индивидуальности у животного сильнѣе; разнообразіе органовъ и функцій значительно возрастаетъ. Совмѣщая въ себѣ матеріальный и растительный элементы, только въ новыхъ формахъ, которыя чужды матеріи, и въ приспособленіи къ функціямъ, которыхъ никогда не въ состояніи выполнить растеніе, животное безконечно возвышается надъ матеріей и растительной жизнью *ощущеніемъ* вѣшняго міра и *волей* воздѣйствовать на него.

Въ частности, въ пятый день сотворены животныя, населяющія воду и воздухъ, а въ шестой день животныя земноводныя и человѣкъ. Такъ какъ произведеніе земноводныхъ

животныхъ не первое введеніе, а *продолженіе* системы жизни, то для обозначенія этого акта употреблено слово не *bara*, а *asba*. Слово *bara* прилагается только къ творенію чловѣка, въ которомъ дается не продолженіе прежней системы животной жизни, а другой, совершеннѣйшій изъ всѣхъ, порядокъ бытія *духовно-разумнаго*.

Если теперь мы обратимся къ геологін, то въ научныхъ ея фактахъ найдемъ полное подтвержденіе этой библейской исторіи преемственного происхожденія животнаго царства.

Геологія говоритъ намъ, что земная кора состоитъ изъ пластовъ, лежащихъ одинъ надъ другимъ, различныхъ по минералогическому характеру и строенію и отложенныхъ, очевидно, на днѣ водъ. Порядокъ ихъ напластованія даетъ хронологическую картину событій, которыя имѣли мѣсто въ продолженіе ихъ образованія: пласты самые нижніе, отложенные первыми, самые древніе, пласты поверхностные, образовавшіеся послѣдними, самые недавніе.

Эти пласты въ своихъ складкахъ содержатъ архивы творенія органическихъ существъ, которыя жили въ эпоху, когда пласты отлагались, и безчисленные остатки которыхъ заполняютъ слои этихъ пластовъ, открывая геологу появленіе различныхъ классовъ растений и животныхъ и предоставляя ему возможность возстановить систему жизни, съ перваго ея начала до настоящей эпохи.

Самые нижніе пласты—это, такъ называемые, *лаврентьевскіе* пласты Канады и аналогичныя образованія въ другихъ континентахъ. Эти породы не представляютъ абсолютно никакихъ слѣдовъ жизни и могутъ быть разсматриваемы, какъ конецъ азойческаго періода земного шара. Но выше ихъ *пролежучочныя лаврентьевскія* породы содержатъ углеродъ подъ формою графита и известковыя массы—первые свидѣтели растительной и животной жизни. Затѣмъ, въ са-

момъ началъ *кембрийскаго* и *силурійскаго* періодовъ мы находимъ уже полную фауну, представляющую три архитина беспозвоночныхъ животныхъ—лучеобразныхъ, моллюсковъ и кольчатыхъ, съ ихъ главными подраздѣленіями. Они являються не преемственно, въ порядкѣ ихъ относительнаго совершенства, а всѣ разомъ, на одномъ уровнѣ, при чемъ моллюски имѣють первенство. Это—царство низшей животной жизни, представляемой беспозвоночными *Девонскіе* пласты въ изобиліи содержатъ въ себѣ остатки рыбъ, которыя получаютъ первенство между обитателями тогдашняго океана. Странныя формы этихъ первыхъ рыбъ, ихъ характеръ пресмыкающихся, ихъ мощная организація дѣлають ихъ царями морей.

Силурійскій и девонскій періоды были водною эпохой земного шара. Вся система жизни заключалась въ водахъ океана. Температура этихъ водъ и физическія условія, ихъ характеризовавшія, должны были быть одинаковыми для всѣхъ континентовъ, потому что силурійскія и девонскія животныя представляютъ замѣчательное сходство видовъ въ самыхъ отдаленныхъ однѣ отъ другихъ странахъ земного шара. Тотъ же водный характеръ наблюдается и на растительности. Наибольшее число растений суть растенія, живущія исключительно въ водѣ. Въ продолженіе девонскаго періода появляются, впрочемъ, растенія болѣе высокаго класса, каковы папоротники, принадлежащіе къ сосудистымъ тайнобрачнымъ и говорящіе уже о землѣ.

Но богатое развитіе растительности является въ слѣдующемъ періодѣ, *каменноугольномъ*. Въ этотъ періодъ континенты, медленно возникавшіе подъ водой, выходятъ изъ-подъ воды и покрываются зеленымъ плащемъ растительности. Въ теплой и влажной атмосферѣ, насыщенной углекислымъ газомъ, скромныя тайнобрачныя достигаютъ роста величественныхъ лѣсныхъ деревьевъ; роскошныя папоротники и другія растенія того же класса приготавливаютъ материалы громаднхъ

пластовъ угля. Величественные лепидодендроны были гигантскими представителями современного жалкаго плавуна. Крѣпкіе сигилляріи съ огромными корнями и нѣжные каламиты, похожіе на хвощи, служили главными украшеніями этихъ мрачныхъ и влажныхъ тѣсовъ. Единственными деревьями, имѣвшими цвѣты, были малочисленные представители голосѣмянныхъ, особенно растенія изъ семейства сосенъ.

Каменноугольный періодъ имѣлъ величайшее значеніе въ системѣ животной жизни, очищая атмосферу отъ излишняго углекислаго газа. Разрѣженіе этого газа живыми растеніями подѣйствіемъ солнца фиксировало углеродъ въ пластахъ угля, тогда какъ кислородъ былъ возвращаемъ атмосферѣ для прогресса животной жизни. Благодѣтельное вліяніе этого процесса доказывается тѣмъ фактомъ, что первыя животныя съ дыхательными воздушными органами, каковы наѣкомыя и амфибіи, появляются только къ концу этого періода.

Три предыдущихъ періода вмѣстѣ составляютъ *палеозоическую* эру, или древнюю исторію жизни.

За нею слѣдуетъ *мезозоическая* или средняя, вторичная, эра. Она открывается *тріасовой* системой, въ которой преобладаетъ образованіе песчаника, съ скуднымъ содержаніемъ ископаемыхъ. Въ *юрской*, затѣмъ, и *мѣловой* почвахъ открывается преобладаніе и разнообразіе пресмыкающихся. Юрскія моря населены были плезіозаврами, съ длинными шеями, и мощными ихтіозаврами, отъ 20 до 30 футовъ длины. Въ великомъ центральномъ морѣ плавали тогда пресмыкающіяся, изъ которыхъ нѣкоторыя, напр., эласмозавры, по формѣ похожіе на змѣй, достигали роста отъ 60 до 80 футовъ, т. е. до 10 сажень. Это были поистинѣ *albananin*, какъ называетъ ихъ библейскій шестодневъ, т. е. морскія дива, чудинца ¹⁾. Такъ же изобильны и замѣчательны своими

¹⁾ „Большія рыбы“ русскаго перевода и „вѣты великія“ славянскаго, очевидно, не передаютъ въ точности идеи подлинника.

размѣрами были и земныя пресмыкающіяся. Рядомъ съ крокодиломъ и игуанодономъ, похожимъ на ящерицу, мегалозавромъ и др., особеннаго упоминанія заслуживаетъ семейство динозавровъ по близости ихъ структуры къ структурѣ птицъ, несоотвѣтствію переднихъ ногъ съ задними, длина и сила которыхъ позволяли имъ держаться прямо, на подобіе нынѣшнихъ кенгуру. Это семейство заключало въ себѣ также и самые колоссальные типы земныхъ животныхъ, какіе только когда-либо существовали; напр., атлантозавръ Колорадо достигалъ роста отъ 60 до 80 футовъ, такъ что трудно было бы и понять, какъ сила его мускуловъ могла выдерживать тяжесть его костей, если бы не было извѣстно, что эти кости были пусты, какъ кости птицъ. Животными гниа пресмыкающихся была полна также и атмосфера. Были животныя подобныя летучимъ мышамъ, съ огромными головами и перепончатыми крыльями—птеродактили. Были животныя всяческихъ размѣровъ, начиная съ размѣровъ нашихъ обыкновенныхъ летучихъ мышей и окончивая чудовищными видами, которые съ распростертыми крыльями, отъ одного края до другого, имѣли до 25 футовъ.

Еще одна черта, характеризующая эту эру. Лѣса триасоваго и юрскаго періодовъ въ сущности состояли изъ каламитовъ, колоссальныхъ хвощей, цикадей и шишконосныхъ. Съ мѣловымъ періодомъ характеръ растительности измѣняется. Появляются въ изобиліи классы односѣмянодольныхъ и двусѣмянодольных: дубъ, кленъ и другія растенія, которыя составляютъ въ большинствѣ наши пастоящіе лѣса, находились во множествѣ въ умѣренныхъ странахъ, какъ пальмы въ болѣе жаркихъ. Пейзажъ принялъ всецѣло тотъ видъ, какой сохраняется донынѣ.

Въ системѣ жизни нѣтъ еще двухъ фазъ, которыя бы представляли такой поразительный контрастъ, какъ эра пресмыкающихся и слѣдующая за нею *третичная*. Громадныя

пресмыкающіяся, которыя наполняли воду, атмосферу и землю, послѣ мѣлового періода вдругъ исчезаютъ. Въ то время, какъ растительность остается почти та же, мѣсто на земномъ шарѣ занимаетъ новый классъ животныхъ—млекопитающія, типъ и ступень среди животныхъ наиболѣе совершенные. Въ продолженіе трехъ преемственно слѣдовавшихъ періодовъ—*эоценового, міоценового и пліоценового* постепенно развиваются различныя ихъ типы: въ періодъ эоценовый преимущественно—смѣшанные типы, которые потомъ спеціализируются, въ періодъ міоценовый—большія толстокожія, мамонтъ и его близкій родичъ мастодонтъ, группа травоядныхъ и группа фруктоядныхъ, въ которую входятъ обезьяны, наконецъ пліоценовый періодъ характеризуется большимъ числомъ плотоядныхъ.

Послѣ всего этого, уже въ *четвертичной* эпохѣ, является человѣкъ, соединяющій въ себѣ всѣ совершенства животнаго царства, а вмѣстѣ съ нимъ и въ немъ обнаруживается болѣе возвышенный элементъ жизни—начало нравственно-духовнаго міра.

Мы не безъ намѣренія остановились съ нѣкоторою подробностію на этомъ опытѣ соглашенія библейскаго шестоднева съ научными данными естествознанія. Авторомъ его является человѣкъ, въ молодости слушавшій лекціи знаменитыхъ профессоровъ Берлинскаго университета—богослововъ: Шлейермахера, Генгстенберга и Нсандера, философовъ: Гегеля, Стефенса и Карла Риттера, натуралистовъ: Дове, Эрмана, Вейса и Гоффмана, состоявшій въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ натуралистомъ Агасицомъ (Agassiz), посвятившій цѣлыхъ 50 лѣтъ своей жизни служенію наукъ о природѣ, съ 1829 г. въ качествѣ ученика и сотрудника Агасица, съ 1839 по 1848 г. въ качествѣ профессора исторіи и физической географіи въ Европѣ, а съ 1849 по

1879 г. въ качествѣ профессора географіи и геологіи въ одномъ изъ Американскихъ университетовъ¹⁾.

На опытъ соглашенія библейской исторіи міротворенія съ современными выводами естествознанія, вышедшій изъ-подъ пера человѣка съ такою незаурядною естествонаучною подготовкою, мы имѣемъ полное право смотрѣть, какъ на опытъ, построенный на новѣйшихъ началахъ естествознанія, какъ на послѣднее слово науки о природѣ по адресу Библии. И если онъ констатируетъ полную параллель между Библіей и наукой по вопросу о происхожденіи общей системы мірознанія, постепеннаго образованія земли и появленія на ней органической жизни, то тѣмъ внушаетъ намъ удовлетворенное сознаніе, что какія бы открытія наука въ этой области ни дѣлала и какіе бы выводы изъ нихъ ни извлекала, Библия стоитъ всегда впереди и давно все это знаетъ, какъ оно и должно быть, потому что Библия—глаголь Божій, которымъ сотворено все, чего наука ищетъ на небѣ, на землѣ и въ землѣ.

Но вопросъ въ томъ, всѣ ли эти параллели безупречны, не дѣлается ли ими насилія библейскому шестодневу?

Нечего, конечно, и говорить, что основная въ опытѣ мысль о Богѣ, какъ творцѣ міра, мысль библейская. Согласно съ Библіей и мысль о томъ, что твореніе состоитъ изъ трехъ основныхъ актовъ всемогущества Божія—творенія матеріи, творенія системы животной жизни и творенія человѣка, что эти три порядка творенія отличны одинъ отъ другого и что эволюція одного изъ нихъ въ другой—матеріи въ живот-

¹⁾ *Арнольдъ Гюйо* (A. Guyot, † 1884 г.). Свой опытъ Гюйо закончилъ почти предъ смертію въ сочиненіи на англійскомъ языкѣ. Мы пользовались французскимъ переводомъ: *La creation ou la cosmogonie biblique à la lumière de la science moderne*. Lausanne. 1885. Попытка примѣненія гипотезы Лапласа къ библейскому шестодневу нѣсколькими годами раньше сдѣлана была аббатомъ *Гене* (Gainet) въ книгѣ: *Accord de la Bible et de la geologie de la creation de six jours*. 1876.

ную жизнь, а животной жизни въ духовную жизнь человека невозможна. Связь, соединяющая ихъ, нематеріальной природы и удивительное единство плана, между ними существующее, заключается въ разумъ Творца. Следовательно, міръ—дѣло *Мудрости*, возымѣвшей намѣреніе сотворить міръ, *свободной Воли* и *Всемогущества*, приведшихъ это намѣреніе, когда нужно, въ исполненіе, а не какое-то великое единое и безсознательное, само собою и изъ самого себя развивающееся, цѣлое.

Согласна съ Библіей также и мысль о томъ, что переходъ одной формы въ другую *внутри* и *каждаго* изъ этихъ основныхъ порядковъ творенія — матеріи въ различныя формы матеріи и жизни въ различныя формы жизни представляетъ собою дѣло непосредственного творчества Божія. Научныя изысканія, говоритъ авторъ опыта, не даютъ основанія для заключенія, что всѣ архитипы безпозвоночныхъ, которыя являются въ силурійскій періодъ, возникли одни отъ другихъ. Наука еще и доселѣ не открыла признаковъ, которые бы показывали, что позвоночныя произошли отъ безпозвоночныхъ, структура которыхъ совершенно отлична,—что, напр., большія рыбы девонскаго періода произошли отъ предыдущей животной жизни, или громадныя пресмыкающіяся промежуточнаго періода отъ рыбъ предыдущаго, девонскаго. Нельзя доказать, что большія толстокожія, которыя вдругъ являются на сцену въ третичную эпоху, суть потомки пресмыкающихся предшествующаго періода.

Подъ условіемъ признанія, что переходъ и матеріи въ различныя формы матеріи совершался не самъ собою, а по особому творческому дѣйствію Божію, не невозможно допустить примѣненіе къ библейскому шестодневу и предположеній Гершеля и Лапласа о происхожденіи планетной системы и образованія земного шара, не въ видѣ, конечно, несомнѣнной истины, а въ качествѣ гипотезы, если только, впрочемъ, ученые гебраисты найдутъ возможнымъ оставить за словами

eretš, maim и *rakiah* тотъ смыслъ, въ какомъ принимаетъ ихъ авторъ опыта. Такое примѣненіе находить для себя косвенное оправданіе въ словахъ ап. Петра, что „въ началѣ Словомъ Божиимъ небеса и земля составлены изъ воды и водою“ (2 посл., III, 5), а также и въ словахъ книги Іова: „кто положилъ краеугольный камень земли, при общемъ ликоваіи утреннихъ звѣздъ“... (XXXVIII. 6, 7)? Слова ап. Петра о составленіи неба и земли изъ воды дѣлають, можетъ быть, намекъ на образованіе неба и земля изъ первоначальной газообразной матеріи, описываемой во 2-мъ стихѣ библейскаго шестоднева, а слова книги Іова даютъ идею, что звѣзды, а стало быть и солнце, существовали раньше земли и, слѣдовательно, раньше четвертаго дня.

Но есть въ опытѣ пунктъ, который, повидимому, не мирится съ текстомъ библейскаго шестоднева. Разумѣмъ вопросъ о дняхъ творенія. Авторъ опыта называетъ эти дни „космогоническими“ и разумѣетъ подъ каждымъ изъ нихъ неопредѣленное пространство времени, измѣряемое тою, только Богу вѣдомую, продолжительностью, какой требовало каждое творческое дѣло для своего полнаго осуществленія. Каждый изъ творческихъ дней, говоритъ онъ, отмѣченъ особымъ дѣломъ, и каждое такое дѣло одна изъ великихъ ступеней въ осуществленіи божественнаго плана, одна изъ великихъ фазъ исторіи мірозданія. Время тутъ не имѣетъ важности. Оно было долго или коротко смотря по тому, какъ это было необходимо.

Такое пониманіе не мирится съ текстомъ библейскаго шестоднева въ томъ случаѣ, если подъ днями творенія разумѣть обыкновенные дни, измѣряемые обыкновеннымъ утромъ и обыкновеннымъ вечеромъ и состоящіе изъ 24 часовъ. Но уже въ святоотеческой литературѣ, рядомъ съ пониманіемъ дней творенія въ смыслѣ обыкновенныхъ сутокъ, котораго держались знаменитые толкователи шестоднева—Василій Великій, Григорій Нисскій и Амвросій Медиоланскій, мы встрѣ-

чаемъ, напр.. въ лицѣ бл. Августина¹⁾, направленіе, сложившееся къ признанію творческихъ дней въ смыслѣ неопредѣленныхъ періодовъ времени. И это послѣднее пониманіе, повидимому, не безосновательно.

Косвенное оправданіе оно получаетъ уже въ текстѣ 1-ой главы книги Бытія, въ которой еврейское слово *yom*, день, прилагается къ тремъ слѣдующимъ вещамъ: въ 5 стихѣ къ новосотворенному свѣту: „и назвалъ Богъ свѣтъ днемъ“ (*yom*). въ 14 стихѣ—къ 24-часовому или суточному пространству времени, начавшемуся съ появленія солнца: „да будутъ свѣтила... для знаменій, и временъ, и дней (*yom*) и годовъ“ и въ 16 стихѣ—къ свѣтлой половинѣ сутокъ: „...свѣтило большее для управленія днемъ (*yom*) и свѣтило меньшее для управленія ночью“. Въ первомъ своемъ смыслѣ, какъ свѣтъ, *yom* имѣетъ міровое, космическое значеніе и къ такому или иному протяженію времени не имѣетъ никакого отношенія. Во второмъ значеніи, въ значеніи сутокъ, *yom* неприложимъ къ первымъ тремъ творческимъ днямъ, потому что суточное и годовое время началось съ четвертаго дня, съ появленія солнца. Значить, 1 гл. Бытія не опредѣляетъ, какое протяженіе времени мы должны приписывать каждому изъ творческихъ дней, и, слѣдовательно, не даетъ основанія для признанія ихъ въ смыслѣ сутокъ.

Между тѣмъ, въ 4 стихѣ 2-ой главы Бытія слово *yom* употребляется для обозначенія времени, несомнѣнно, *большаго*, чѣмъ сутки: „Вотъ происхожденіе неба и земли при сотвореніи ихъ, въ день (*yom*), когда Господь Богъ сотворилъ небо и землю, и всякій кустарникъ... и всякую полевую траву“, и проч. Здѣсь, очевидно, словомъ *yom* обозначается весь періодъ творенія. Въ такомъ же значеніи слово *yom* встрѣчается въ псалмахъ и у пророковъ. Предвозвѣщая на-

¹⁾ См. „О книгѣ Бытія буквально“, кн. IV, гл. 1, 18. Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ. Кн. 20, стр. 250—251; 274, 275. Кіевъ. 1893.

року израильскому плѣнъ, голодъ, войны и другія подобныя бѣдствія, пророки нерѣдко употребляли выраженія: „въ тотъ день“ (Иса. XVIII, 5; Іер. IV, 9; Іез. XXX, 18), „въ день ярости“ (Іез. XX, 24), „въ день гнѣва“ (Плач. II, 21), „въ день брани“ (пс. 139, 8), „въ день отмщенія“ (Іер. XLVI, 10), „воздаянія“ (Иса. XXXIII, 4), и проч., разумѣя подъ этими выраженіями весь цыклъ будущихъ злоключеній. Пророкъ Исаія словомъ день обозначаетъ все время общественнаго служенія Мессіи (Иса. XXIX, 18), а самъ Іисусъ Христосъ—все продолженіе своей земной жизни (Іоан. VIII, 56). Наконецъ, по библейскому сказанію, въ седьмой день Богъ почилъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ: этотъ покой Божій не можетъ быть, конечно, ограничиваемъ отпѣми сутками, а продолжается отъ сотворенія міра донинѣ и будетъ продолжаться до скончанія вѣка.

Въ виду всѣхъ этихъ библейскихъ основаній признаніе дней творенія въ значеніи болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ времени, предполагаемыхъ и требуемыхъ научными фактами и выводами естествознанія, можно, по-видимому, считать допустимымъ и со стороны Библіи.

М. Ястребовъ.